

²⁵ См.: Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Поселения заключительного этапа бронзового века на р. Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. С. 81. Рис. 1-7. С. 86.

²⁶ См.: Членова Н. Л. Связи культур... С. 23—35.

²⁷ См.: Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Поселения заключительного этапа... С. 82—83.

²⁸ См.: Полосьмак Н. В. К вопросу о нижней дате саргатской культуры // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982. С. 107—108; Молодин В. И., Колонцов С. В. Туруновка-4 — памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 69—86; Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. С. 179—186; Труфанов А. Я. К происхождению саргатской культуры // Тез. докл. регион. археол. конф. студентов Сибири и Дальнего Востока. Кемерово, 1985. С. 42—43.

В. А. БОРЗУНОВ, Н. Н. НОВИЧЕНКОВ
Уральский университет

Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала

В конце каменного — начале бронзового века в обществах земледельцев-скотоводов Старого и Нового Света периода позднеродовой общины возникает новый тип поселений — *укрепленных*, с новым элементом — оборонительными сооружениями. В начале железного века, в эпоху разложения первобытнообщинного строя редкие укрепления эпохи бронзы сменяются густой сетью простейших фортификаций — прообразов оборонительных систем классовых обществ. Появление их — закономерный этап в развитии общества, следствие получения *устойчивого* избыточного (прибавочного) продукта, при благоприятных условиях превращавшегося в богатства, а также необходимости его защиты наряду с общинной и племенной территорией. С этого времени укрепленные поселения, количественно уступающие селищам, качественно, в плане социально-экономического значения, становятся ведущим типом поселений. Их остатки — *городища* — являются одним из основных видов археологических памятников.

В своем развитии укрепленные поселения проходят два взаимосвязанных, но качественно различных этапа: простейших укреплений доклассовых обществ и развитых классовых.

Исследованию последних посвящены многие обобщающие работы. В отличие от них ранние укрепленные поселения доклассовых обществ как явление изучены недостаточно. Анализ их пока ведется в системе отдельных и конкретных археологических культур, общностей либо регионов. При этом наименее исследованным остается север Евразии, включая Урал.

Предлагаемая статья посвящена характеристике и анализу ранних финно-угорских укрепленных поселений Урала: ананьинских, гляденовских (включая осинские), пьяноборских (че-

гандинских), кара-абызских, гафурийских, айских Предуралья, гамаюньских, иткульских, воробьевских и гороховских Зауралья¹.

История изучения. В исследовании городищ Урала выделяются три основных этапа. Дореволюционный — первичного накопления и систематизации материалов. Довоенный — начала систематических раскопок и изучения городищ в системе первых выделенных археологических культур. Послевоенный — значительного расширения источниковедческой базы, целенаправленного изучения фортификаций в рамках пересмотренных и вновь выделенных культур, новых направлений систематизации и анализа городищ и их оборонительных систем. В последнем намечаются два периода, разграниченные началом 60-х гг.

Подробная характеристика этих этапов будет дана в отдельной статье. В целом же необходимо отметить, что в развитии классификаций уральских городищ наметился переход от формальных, эмпирических (суммарные описания с элементами сравнения, классификации по одному-двум случайно выбранным, затем — нескольким взаимосвязанным признакам) к теоретико-обобщающим (филогенетическим и др.). Классификации ранних приуральских городищ прошли только стадии суммарных описаний и типологий по одному-двум признакам. Наиболее совершенная систематика ананьинских укреплений, предложенная В. А. Ивановым, представляет независимые и некоррелированные типологии: хронологическую, топографическую, пространственную и по количеству оборонительных линий. При этом последняя признана нецелесообразной лишь на том основании, что 67 % ананьинских городищ имели одну линию обороны, а топографическая была заимствована у П. А. Раппопорта без соответствующего обоснования².

В конце 60-х — начале 70-х гг. поставлена задача определения и изображения таксономических систем как взаимосвязи и корреляции многих признаков. Примером нового подхода явилась типология раннесредневековых мазунинских городищ В. Ф. Генинга, основанная на трех коррелируемых группах признаков: топографии, количестве валов и рвов, расположении их на площадке. Параллельно выделены группы городищ по площади и хронологии. Все группировки сведены в одну таблицу, позволившую сопоставить мазунинские городища с синхронными прикамскими, наметить эволюцию укреплений и зависимость размеров поселений от изменений основной социально-экономической единицы общества³.

Попытка создания системы, синтезировавшей планиграфию поселения, укреплений и жилищ, предпринята В. Е. Стояновым на материалах раннего железного века Зауралья и Западной Сибири. Ее отправные признаки — конфигурация дерево-земляных укреплений и форма площадки, обусловленная естественными очертаниями участка террасы⁴.

Недостатки этих классификаций заключаются в использовании преимущественно данных внешней фиксации, отсутствии обоснования последовательности и взаимосвязи признаков. Однако детальная разработка этих классификаций создала предпосылки для новой — филогенетической⁵. В основу ее положена модель реального процесса сооружения и функционирования укрепленного поселения. Фазы и отдельные акты этого процесса, выстроенные в определенном порядке — от начала сооружения городища до его последней перестройки — определяют последовательность и иерархию категорий признаков при классификации городищ. При этом при различной последовательности фаз создания простейшего городища доклассового общества исходными (типообразующими) категориями являются выбор места и мысленное моделирование фортификаций⁶, а отсюда — зависимость природной и искусственной укрепленности. Зависимость обратная: чем сильнее природная укрепленность, тем проще допустимая система обороны и наоборот. Очередность остальных категорий и признаков при классификации определена идеальной (наиболее частой) последовательностью указанных фаз и актов. Последовательность типов и соответствующих разновидностей в филогенетической схеме городищ конкретной археологической культуры определяется их хронологической последовательностью, наличием переходных типов и изменением деталей оборонительных систем во времени.

Общая характеристика и анализ. Авторами использованы данные по 150 (многослойным и однослойным) приуральским и 42 зауральским городищам, в том числе по 86 ананьинским (фортификации исследованы у 22), 26 (9) гляденовским, 45 (9) пьяноборским, 14 (12) кара-абызским и гафурийским, 3 айским (0), 23 (17) гамаюнским, 11 (6) иткульским, 6 (4) воробьевским, 7 (3) гороховским. Приуральские поселения подробно охарактеризованы В. А. Ивановым, А. Х. Халиковым, В. Ф. Генингом, Ю. А. Поляковым, А. Х. Пшеничнюком, Б. Б. Агеевым, зауральские — К. В. Сальниковым, Е. М. Берс, В. Е. Стояновым, Г. В. Бельтиковой, В. А. Борзуновым и другими исследователями⁷, что позволяет нам ограничиться краткой характеристикой городищ с внесением некоторых корректив.

Ананьинские городища (VIII—IV вв. до н. э.) расположены на высоких (20—40 м) коренных мысах речных террас, единично — на мысовидном участке террасы (Алтен-Тау), мысу останца (Тра-Тау) или холме (Калиновское). Городищенские площадки подтреугольные (чаще узкие), меньше подтрапециевидных (Субботинское I, Троицко-Урайское), полукруглых (Алтен-Тау), подпрямоугольных (Красный Исток, Танайское, Кара-Абыз). Площади городищ варьируют от 400 до 35 000 м². Все малые городища (до 1000 м²) бытуют в раннеананьинское время на Волге и Вятке, средние (до 4000 м²) — повсеместно на всем протяжении культуры, большие (до 10 000 м²) и очень

большие (до 35 000 м²) — преимущественно в позднеананьинское время на Каме и Белой. С напольной стороны поселения ограждены оборонительной линией из вала и рва либо одного вала. На Трикольском и Быргындинском II выявлено по три линии укреплений, но доказательств их синхронности нет. Известно четыре двухплощадочных городища (Танайское, Балтачевское, Машиновское Большое, Какры-Куль), однако они исследованы только шурфами.

По мнению ряда исследователей, одно- и двухплощадочные городища с двумя оборонительными линиями для ананьинской культуры нехарактерны. Валы слабо изогнутые, дуговидные, прямые, как исключение, полукольцевые (Алтен-Тау) и, возможно, кольцевые (Каменный Лог). На Волге и Вятке они чаще короткие шишковидные, на Каме и Белой — длинные и низкие. Валы насыпались из глины, супеси и гумуса, неоднократно перестраивались и подновлялись. Как правило, они мощные: судя по данным разрезов и внешним очертаниям, шириной от 4 до 16, высотой от 0,6 до 6 м. Отдельные, особенно поздние, укреплены с внешней стороны каменными плитами, крепидами (Галкинское — 2-я подсыпка; Алтен-Тау — 2-й вал; Свиногорское, Мамадышское) или галечником (Зуевы Ключи — 2-я подсыпка), с внутренней стороны — крепидой из бревен и жердей (Новокабановское, возможно, Аначевское). Рвы разнообразные: от узких и мелких водоотводов до широких и глубоких оборонительных (2,5—10,0×0,6—2,0 м).

Относительно других элементов обороны, общего вида, значения и функции ананьинских фортификаций имеются две противоположные точки зрения. В. Ф. Генинг утверждал, «... что ананьинские городища, независимо от того, где они расположены, всегда имеют мощные защитные укрепления»⁸. Еще раньше к этому выводу пришла А. В. Збруева. В частности, для Пижемского городища она отмечала: «Когда городище было обитаемо, на вершине вала так же, как и по краям площадки, был сооружен высокий частокол из вертикально поставленных бревен, глубоко врытых в землю. За валом находился ров. Для своего времени городище было первоклассной крепостью»⁹. Диаметрально противоположны заключения В. А. Иванова. Они сводятся к следующему. Ананьинцы сооружали укрепления без деревянных конструкций. Земляные валы были лишены частоколов (за исключением внешнего вала Трикольского городища), а края мысов вообще не были защищены. Вершины валов укреплялись полосами прокаленной глины («нашлепками»). Рвам, судя по их малым размерам, серьезного значения при защите поселков не придавали. В целом укрепления городищ не были приспособлены для правильной осады и не представляли серьезного препятствия для конного войска и пехоты¹⁰.

Заключения В. А. Иванова спорны, а некоторые ошибочны. На наш взгляд, все данные свидетельствуют о том, что анань-

инские городища имели достаточно надежную систему обороны, включавшую замкнутые стены и разомкнутые валы, а в ряде случаев — рвы. Попытаемся доказать это.

Причина, по которой В. А. Иванов не обнаружил ананьинских оборонительных стен, заключается, во-первых, в методах раскопок. Валы, описания которых он приводит, исследовались устаревшим методом поперечных траншей. При этом на каждом памятнике вскрыто не более 8 м (4—8 %) протяженности вала (2 % периметра городища). Края мысов не исследовались. Раскопки авторами половины протяженности вала и участков на краю террасы городища Алтен-Тау (1/3 периметра) установили реальный облик ананьинских укреплений. Здесь были выявлены три (а не два, как считалось ранее¹¹) периода строительства фортификаций, бревенчатые стены разных конструкций на валах и древней почве, в том числе вдоль края террасы, а также каменная крепида с внешней стороны позднего вала. С каждой перестройкой наблюдается совершенствование оборонительных систем. Остатки бревенчатых стен зафиксированы также В. Е. Стояновым (Богородское, 1958) и Л. И. Ашихминой (Буйское, 1976—1979), частоколов — В. Н. Марковым (Гремячий Ключ, Черепашье, 1980—1983) и самим В. А. Ивановым (Трикольское — внешний вал). Остатками ананьинского частокола, на наш взгляд, являются примыкавшие ко рву три параллельные канавки под пьяноборским внутренним валом Петер-Тау.

Во-вторых, В. И. Иванов постоянно упоминает только частую конструкцию. Однако она, по-видимому, редка и уступает по частоте бревенчатой горизонтальной кладке, остатки которой выявить труднее, тем более узкой поперечной траншеей. Вероятно, следами сгоревших стен, а не «нашлепками» являющиеся полосы прокаленной глины на валах (Верхнемашкаровское, Трикольское и др.). Далее. Если фортификации не отвечали прямому назначению, а валы представляли невысокие брустверы (фактически годные для современной пехоты, а не лучников), то становятся непонятными огромные трудозатраты и привлечение для возведения валов, как полагает В. А. Иванов, даже соседей-соплеменников¹².

Наконец, все виды фортификаций, тактику ведения войны финно-уграми и появление городищ в Приуралье В. А. Иванов ставит в зависимость исключительно от общеполитической ситуации, связанной с последствиями скифо-персидской войны, а также от взаимодействия лесных племен со степными и ведения регулярной войны большими силами. Это не совсем верно. Конечно, часть ананьинских укреплений, прежде всего лесостепных, была возведена для отражения натиска кочевников и не всегда обеспечивала надежную защиту от организованного в войско противника. Однако появление городищ, особенно в удаленных от степи районах, имело в основном, на наш взгляд,

иную причину, а именно динамику социально-экономического развития местных финно-угорских обществ.

Степные племена в неменьшей степени угрожали своим северным соседям уже в андроновскую эпоху, но городищ тогда в лесной и даже лесостепной зонах у аборигенов Урала не возникло. Между тем уже в конце эпохи бронзы в культурах межевско-ирменской общности распространяется скотоводство, а с ним появляется первый, пусть еще неустойчивый и малый, избыточный (прибавочный) продукт — скот, металлические изделия и т. д.

Укрепленные поселения в лесной и лесостепной зонах Урала появились в начале эпохи железа — на этапе позднеродовой общины и в массе распространились с началом разложения первобытного общества, внедрением высококачественных бронзовых и железных орудий, получением относительно устойчивого избыточного (прибавочного) продукта на основе производящего и высокообразованного присваивающего хозяйства, с общим прогрессом производительных сил и социальной организации общества. Первые городки Урала — места обитания родовых и ранних соседских (например, кара-абызско-гафурийских, гамаюно-иткульских и др.) общин, — по-видимому, служили прежде всего целям защиты общинных территорий, а также произведенного и могущего быть отчужденным относительно устойчивого избыточного (прибавочного) продукта. Относительно маломощные, но вполне достаточные для лесной зоны укрепления защищали население городища преимущественно от неожиданного набега небольшого отряда одного из соседних племен или общин, живших в таких же городках.

Причиной междоусобных войн и набегов были не только территориальные притязания и захват материальных ценностей. По мнению некоторых специалистов, это могло быть лишь побочным следствием нападений. Сами же военные действия «...велись, прежде всего, для того, чтобы обескровить противника, подорвать его материальное благосостояние и, если возможно, угнать как можно дальше»¹³. Безусловно, непосредственные предпосылки конфликтов могли быть иными. В целом же, на наш взгляд, при рассмотрении генезиса городищ более правомерен формационный подход: изменение в способе производства общества, в том числе в характере межобщинных связей. Фортификации появляются тогда, когда вооруженные столкновения и напряженность в данном регионе по вышеуказанным причинам становятся системой и превращаются в один из основных типов межобщинных контактов.

Дальнейшее развитие фортификаций в Приуралье связано с постепенной трансформацией ананьинской общности в ряд локальных культур (гляденовская, пьяноборская, кара-абызская) и приходом из Зауралья (?) нового населения.

В Среднем Прикамье ананьинские городища наследовались

гляденовскими (III в. до н. э. — V в. н. э.). Гляденовские фортификации возводились поверх разрушенных или взамен пришедших в негодность ананьинских, реже (8 из 26 раскопанных) строились на новом месте. Все городища мысовые. Преобладали средние по площади (до 6000 м²) и большие (до 12000 м²) одноплощадочные с однорядной обороной. Единично возводились вторые оборонительные линии, и городища превращались в двухплощадочные (Баш-Култаевское — раннее городище). Раскопками выявлена постоянная перестройка фортификаций. В начале нашей эры увеличились размеры городищ, высота и ширина валов, глубина рвов, появились многорядные фортификации (три вала и рва на Бутырском, шесть на Опутятском, в том числе вал и ров у оконечности мыса). Ширина валов варьировала от 2 до 13,5, высота — от 2,5 до 3,3 м; ширина рвов — от 1 до 5,2, глубина — от 0,8 до 1,3 м. Насыпи укреплялись дерном (Субботинское I, возможно, Баш-Култаевское — 1-й вал), глыбами песчаника и известняка (Юго-Камское I, Пещерское — ранний вал), низкой и широкой глинобитной стенкой (Пещерское — ранний вал) или слоем обожженной глины (Макотинское). На валах возводились частоколы (Горюхалинское, Бутырское, Макотинское, Юго-Камское I, Пещерское — ранний вал, Баш-Култаевское — участок перестройки 1-й стены). На Баш-Култаевском городище выявлены остатки бревенчатых стен: двурядной на валу, однорядной на погребенной почве.

Исследователи считают гляденовские городища местами постоянного обитания населения, пограничными крепостями, родоплеменными, производственными, а отдельные (Гляденовское, Горюхалинское, Бутырское, Юго-Камское I) — культовыми центрами.

Пьяноборские городища (III в. до н. э. — II в. н. э.) низовьев Камы и Белой близки ананьинским и гляденовским. Площади их от 2000 м² до нескольких гектаров. Большинство городищ (37 из 45) расположено на мысах, остальные — у краев террас, на холмах и останцах. $\frac{1}{4}$ возведена на месте более ранних. $\frac{3}{4}$ защищены с напольной стороны одной линией рвов и валов, остальные — двумя и тремя. Появляются валы кольцевые и у оконечности мыса. Наблюдаются неоднократные перестройки оборонительных систем. На поверхности насыпей фиксируются полосы прокаленной глины (Кухтинское, Петер-Тау, Новомедведевское).

В. А. Иванов настаивает на отсутствии у пьяноборских фортификаций оборонительных стен (частоколов). Это заключение вряд ли можно считать убедительным по вышеизложенным причинам, тем более, что в пьяноборских валах прослежены остатки древесного угля, саж, золы (Петер-Тау — внешний вал) и ямка от столба (Токтолачук). Большинство валов пока не исследовано, что также влияет на объективность выводов и полноту информации.

Своеобразны на фоне предуральских кара-абызские, гафурийские (IV в. до н. э.—III в. н. э.) и айские (IV—II вв. до н. э.) городища. Большинство из них расположено на разнообразных мысах (9 из 14), остальные — на мысовидных участках береговых террас (Охлебининское II, Курмантаевское) и отдельно стоящих возвышенностей (Воскресенское, Касьяновское), а также у края береговой террасы (Михайловское). Мысовые городища ограничены с напольной стороны однорядными слабоизогнутыми валами и рвами, береговые — полукольцевыми (Михайловское) и прямоугольными (Охлебининское II). На раннем этапе (IV—III вв. до н. э.) на отдельных мысах возводятся замкнутые оборонительные системы из валов и рвов, идущих по периметру площадки (Табынское). Внешне фиксируются двойные и тройные оборонительные линии (Кара-Абыз, Бирское), но В. А. Иванов считает их разновременными. Городища IV—III вв. до н. э. средних и больших размеров (1750—6400 м²). Такие же бытовали в III в. до н. э.—III в. н. э., но к этому периоду относятся укрепления площадью от 4 до 20 га (Биктимировское, Уфимское IV, Шиповское, Охлебининское II).

Рвы городищ узкие и мелкие. Валы шириной 4—9, высотой 0,6—3,8 м. Как и в предыдущую эпоху, они укреплены каменными плитами, галечником (Кара-Абыз, Касьяновское, Михайловское) и глиняной обмазкой (Кара-Абыз, Касьяновское). Валы исследовались поперечными траншеями, северо-западный Табынского городища — раскопом. В отдельных насыпях прослежены остатки деревянных стен (Уфимское Чертово, Кара-Абыз — внутренний вал, Михайловское — верхняя и нижняя насыпи). Входы фиксируются по нескольким разрывам в оборонительной линии.

С приходом в среднее течение р. Белой, по-видимому, из лесостепного Зауралья гафурийского населения и формированием смешанных (ранних соседских) кара-абызско-гафурийских общин ананьинская строительная традиция претерпевает изменения. Это иллюстрируют городища, содержащие новую тальковую керамику (Курмантаевское, Табынское, Шиповское, Уфимское IV, Охлебининское II, Биктимировское). Резко возрастают площади поселений, протяженность оборонительных линий, часть городищ перемещается на края береговых террас, появляются прямоугольные фортификации, замкнутые линии из валов и рвов, двойные валы по обе стороны рва и земляные перемычки-входы. Валы возводятся, по-видимому, без крепид.

Айские городища — небольшие мысовые, укрепленные одним (Ново-Мишаревское), двумя (Гумеровское) или тремя (Торналинское) дуговидными валами и рвами. Раскопки их не проводились.

Зауральские городища более разнообразны.

Гамаюнские городища появляются в конце эпохи бронзы и бытуют до IV в. до н. э. Они представлены семью филогенети-

ческими группами (*а — ж*), объединенными в три типа: простейшие укрепленные поселения с замкнутыми фортификациями на малых холмах, у их подножий и краев террас (*I*), мысовые с замкнутыми оборонительными стенами и незамкнутыми валами и ровиками-водоотводами (*II*), береговые с мысовой традицией (*III*). На севере, в центре и на востоке гамаюнской территории (бассейны Конды, Тавды и Среднее Зауралье) есть городища только *I* типа, *II* и *III* — только на юге (Южное Зауралье). По площади городища делятся на очень малые и малые (96—1000 м²), средние (1400—2000 м²) и большие (3200—5300 м²). Преобладают площадью до 1000 м² (17 из 23), причем на севере встречаются только они, а средние и большие — южнее.

По мере продвижения гамаюнец из Среднего в Южное Зауралье их городища перемещались на более высокие места (в среднем до 20 м), совершенствовались и разнообразились типы фортификаций, увеличивались площади поселений, одноплощадочные дополнились двухплощадочными, двурядные оборонительные стены — однорядными, невысокие валы стали подкрепляться камнями, появились башни, однако глубокие оборонительные валы трансформировались в ровики-водоотводы. Развитие городищ шло по двум линиям. Первая: от простейших укрепленных поселений на малых холмах (*а*) к укрепленному жилищу на холме, затем у его подножия и края речной террасы (*б*) или к обширным кольцевым фортификациям на возвышенностях (*в*); вторая: к созданию подобия простейших подкрепленных поселений на холмах путем изоляции мысовидных выступов поперечными незамкнутыми валами и рвами (*а, г*). В конце обеих линий укрепленные жилища (*б*), полукольцевые укрепления у краев речных террас (*г*), одно- и двухплощадочные с поперечными валами и рвами на мысах (*д, е*) подвели к средним и большим по площади береговым городищам с мысовой привязкой (*ж*).

Гамаюнские оборонительные системы развивались в Зауралье относительно независимо, однако идея и навыки их создания присущи всем культурам крестовой керамики, к которым относилась гамаюнская. Городища этой общности, включая гамаюнские, достаточно оригинальны и отличны от более ранних степных и лесостепных петровских, алакульских и федоровских. Характерными чертами последних являлось расположение на низких и слабо естественно укрепленных участках речных террас, преобладание искусственной укрепленности, прямоугольные, единично кольцевые фортификации, укрепленные входы, глубокие рвы с перекидными мостами, упорядоченное размещение жилых и производственных построек на городищенской площадке¹⁴. Безусловно, гамаюнские городища возникли независимо от степных эпохи бронзы.

Иткульские городища (VII—III вв. до н. э.) столь же разно-

образны, как и гамаюнские. Это простейшие укрепленные поселения на холмах у краев террас с кольцевыми стенами и полукруглыми валами или рвами (Иртяшское I, Большегорское, Шайдурихинское — верхний слой); городища на высоких холмистых береговых и низких островных мысах с замкнутыми либо незамкнутыми валами, рвами и, возможно, замкнутыми стенами (на г. Думной, Наного, Шигирское); мысовые с поперечными дуговидными валами и ровиками (Зотинское III, Красный Камень); береговые с полукольцевыми либо подпрямоугольными валами, ровиками и замкнутыми стенами (Иткульское I, II, вероятно, Малое Сигрякское, Дальнее Багарякское); те же с пережитком мысовой традиции (Колпаковское — верхний слой); обширные правильные кольцевые на низких приозерных возвышенностях (гамаюно-иткульское Андреевское 7). Все эти виды, за исключением чисто береговых, характерны и для гамаюнских городищ. Иткульские укрепленные поселения одноплощадочные, единично двухплощадочные (Иткульское II) и многоплощадочные (Большегорское). Их оборонительные линии дополнялись новыми поясами (Иткульское II, Большегорское), перестраивались или возводились заново (Иткульское I, на г. Думной, Дальнее Багарякское), иногда поверх разрушенных гамаюнских (Шайдурихинское, Колпаковское).

По размерам и территориальному распределению иткульские поселения близки гамаюнским: в Среднем Зауралье сосредоточены только очень малые и малые (до 1000 м²), в Южном — средние и большие (до 3000 м²). Иткульские валы невысокие (1—1,5 м), но нередко более широкие, чем гамаюнские (3—7 м). Они сложены, как и гамаюнские, из суглинка со щебнем, реже подзола и супеси; в отдельных случаях укреплены по внешнему склону камнями и плитами (Иртяшское I, Зотинское III, на г. Думной — поздний вал). Рвы, как правило, неглубокие и узкие, не имевшие оборонительного значения. Наиболее широкий и глубокий ров (4,9×1,15 м) отмечен Г. В. Бельтиковой на Иткульском I городище. Поверх валов и прямо на грунте возводились частоколы либо оборонительные стены из горизонтально уложенных бревен, укрепленных вертикальными столбами, а в основании — земляной или песчаной (иногда с глиняной обмазкой) подсыпкой. Стены одно- и двурядные.

Выявлены случаи эскарпирования склонов террас. В целом, наряду со своеобразием, можно отметить сходство иткульских и гамаюнских фортификаций и предположить, что в VII—IV вв. до н. э. они развивались в определенной зависимости друг от друга, что обусловлено проживанием на одной территории и постоянными контактами гамаюнских и иткульских племен. Вместе с тем отдельные элементы иткульских фортификаций можно связать с влиянием южных культур. Это обширные и правильные кольцевые системы на приозерных возвышенностях (иткульско-гамаюнское Андреевское 7), встроенные в линию стен

башни (Зотинское III, вероятно, Андреевское 7) и башнеобразные выступы (Дальнее Багарякское, Иткульское I).

Воробьевские городища (VI—IV вв. до н. э.) трех типов: на мысовидных участках береговых террас, с полукольцевыми незамкнутыми валами и ровиками (Ячменевское II, воробьевско-иткульское Носиловское II); то же в кольцевом варианте (Воробьевское — 1-я площадка, раннее); на мысах, с дуговидными или подпрямоугольными незамкнутыми валами и ровиками (Никитинское, Зотинское II — 2-я фортификация); на холмах, с подпрямоугольными фортификациями (Глядены). Площади городищ варьировали от 3000 до 6500 м². Все поселения одноплощадочные. Оборонительные линии состояли из невысоких валов, иногда подкрепленных изнутри бревнами (Носиловское II — ранняя насыпь). В валах прослежены остатки стен и частоколов. Судя по невысоким и слабо естественно укрепленным склонам террас, оборонительные стены скорее всего замкнутые. Перед валом — ровики-водоотводы. Входы фиксируются в виде разрывов в оборонительных линиях.

Гороховские городища (VI—III вв. до н. э.) превосходят все уральские сложностью фортификаций. К четырем из них — Ипатовскому, Воробьевскому, Гороховскому и Малому Казакбаевскому — примыкали селища. Городища трех типов: мысовые (Малое Казакбаевское, Ипатовское, гороховско-воробьевские Ячменевское I, Долматовское «Белое»); береговые (Гороховское, Большое Казакбаевское); береговые с мысовой традицией (Воробьевское — позднее). С мысовым и береговым размещением связаны различия в форме, размерах и конструкции оборонительных сооружений. Мысовые городища небольшие (1000—2800 м²), одноплощадочные. У самого большого городища фортификации имели форму удлинённого многоугольника с десятью башнеобразными выступами (Малое Казакбаевское), у остальных они дуговидные незамкнутые (Ипатовское, Ячменевское I, Далматовское «Белое»). Укрепления состояли из стены на валу и рва, причем рвы иногда располагались с внутренней стороны (Ипатовское), либо из двух стен на валах и рва между ними (Малое Казакбаевское). Береговые городища одно-, двух- и трехплощадочные (соответственно Большое Казакбаевское, Гороховское, Воробьевское), от 4000 до 10 000 м².

Оборонительные линии усложненные, замкнутые, овальные: состояли из стены с валом и рва либо из двух стен с валом и рва между ними. На Гороховском городище малая площадка примыкала к большой и соединена с ней проходом. Раннее Воробьевское городище одноименной культуры представляло в плане овал, вытянутый параллельно краю террасы; в гороховский период он был дополнен с узких концов двумя малыми полуовалами. Судя по незначительной насыщенности культурного слоя, две последние площадки были нежилыми, предвратными. Рвы гороховских городищ узкие и неглубокие, один относитель-

но широкий и глубокий (4,0×2,2 м), в профиле конусовидный ступенчатый (Гороховское). Оборонительные стены всех береговых городищ дополнены четырьмя-пятью башнями и башнеобразными выступами. На Гороховском и Воробьевском городищах вскрыты углубленные подпрямоугольные основания таких башен. Всем городищам присущи обычные проходы, фиксируемые по нескольким разрывам в оборонительных линиях. Помимо них исследованы входы, дополнительно защищенные предварными укреплениями. Один из них представлял крытое башнеобразное сооружение (Воробьевское), другие — коридоры, шедшие внутрь либо наружу от городищенской площадки (Гороховское, Малое Казакбаевское). На городищах выявлены остатки бревенчатых стен и следы эскарпирования склонов террас.

Итог. Первые укрепленные поселения региона появляются на рубеже бронзового и железного веков у гамаюнцев Зауралья. Развитию гамаюнских фортификаций способствовали миграции нижнеобских охотников и рыболовов — предков части гамаюнцев — и внедрение их в инородную этнокультурную и экологическую среду. Преемственности между фортификациями эпохи бронзы азиатских степей и лесными зауральскими укреплениями кануна железа не наблюдается. Наоборот, традиция строительства предуральских ананьинских укрепленных поселений, по мнению В. Ф. Генинга, А. Х. Халикова, В. А. Иванова, уходит корнями в эпоху бронзы и связана с пришлыми балановскими, срубными и абашевскими племенами. Появление городищ в Среднем Прикамье и на Белой в середине I тыс. до н. э. обычно связывают с приходом ананьинцев и сложением на их основе новых этносов, а также необходимостью защиты финно-угров от степных савромато-сарматских племен.

Безусловно, культурная преемственность и необходимость защиты от кочевников имели место, но основной причиной появления и массового распространения укрепленных поселений в лесной и лесостепной зонах в начале эпохи железа были не внешние, политические, а внутренние, социально-экономические, факторы развития местных обществ. С началом эпохи железа эти общества вступили в период превращения войн эпизодических и из-за территорий в постоянные грабительские. Об участвовавших столкновениях между племенами, общинами и, возможно, родами, в том числе во внутренних лесных районах, свидетельствуют многочисленные следы пожарищ и перестроек оборонительных сооружений городищ. Вместе с тем, в силу обсто-ятельств, эти общества противостояли степным, где этот процесс сложился в классической форме, обозначенной Ф. Энгельсом¹⁵. Это предопределило специфику развития городищ в пограничной лесостепной зоне и способствовало изменению значения и функции войн у лесных обществ.

Несмотря на спорадические контакты предуральских и за-

уральских племен, их развитие шло независимо, что определило, в частности, различие укреплений. В Предуралье, где ананьинская культура сменяется сложившимися на ее основе гляденовской, пьяноборской, кара-абызской (при участии пришлых гафурийских племен), наблюдается единая и относительно консервативная линия развития мысовых городищ, окруженных, по-видимому, замкнутыми оборонительными стенами и незамкнутыми валами и рвами. Новые принципы строительства оборонительных сооружений появляются здесь в IV в. до н. э. с приходом из лесостепного Зауралья (?) гафурийского населения.

Зауралье, наоборот, отличается пестротой типов и разновидностей укрепленных поселений, обусловленной разнородностью населения. Наиболее разнообразны гамаюнские городища. Им близки иткульские, среди которых нет только своеобразных гамаюнских укрепленных поселений-жилищ¹⁶, но имеются береговые без привязки к мысам. Сближают гамаюнские и иткульские поселения невысокие валы, замкнутые оборонительные линии, типы оборонительных стен, рвы-водоотводы, размеры площадок и простота элементов обороны; различают — формы многоплощадочных поселений, соотношение типов и функции городищ. Достаточно отличны от всех гороховские и отчасти воробьевские фортификации — с кольцевыми и усложненной конфигурации валами, оборонительными башнями, укрепленными входами — сложившиеся на местной основе под влиянием южной (среднеазиатской?) строительной традиции.

Наблюдается зональная дифференциация: более совершенны и значительны по размерам, по сравнению с лесными, лесостепные фортификации, что обусловлено влиянием южных культур и большей населенностью лесостепи. Различно высотное расположение городищ (в Приуралье — до 40, в Зауралье — в основном до 20 м), определенное различием рельефов и традиций строительства.

В целом для ранних уральских финно-угорских городищ преимущественное значение имела естественная укрепленность местности, наряду с искусственной определявшая общий облик поселений и их оборонительных систем. Основными элементами уральских фортификаций, как и всех городищ лесной зоны, являлись оборонительные стены, валы, отчасти рвы, дополнительными — башни, укрепленные входы, крепиды валов, эскарпированные склоны террас. Роль их в системе обороны неоднозначна. Главным элементом являлись стены. Они бревенчатые и частокольные, одно- и двурядные, в большинстве случаев, вероятно, замкнутые, возводившиеся на валах или прямо на грунте. Наиболее значительны по высоте и протяженности, но просты по конфигурации предуральские. В Предуралье со временем увеличивается их объем и протяженность, в Зауралье увеличивается протяженность и усложняется конфигурация. Валы полифункциональны: это крепиды (обваловки) основания и идеаль-

ные фундаменты стен в условиях пересеченного рельефа, остатки забутовки двурядных стен, искусственные преграды, средство увеличения общей высоты фортификаций, площадки для обороняющихся и т.д. Рвы уральских городищ, прежде всего зауральских, в меньшей степени, чем стены и валы, были предназначены для обороны. Как правило, они являлись местом забора грунта для вала и водоотводами. Различие наблюдается и в распределении дополнительных элементов обороны. Эскарпирование склонов и укрепление валов характерно для всего Урала, однако искусственное укрепление валов каменными крепидами более совершенно в Предуралье. В Зауралье, особенно горно-лесном, монолитность валов достигалась за счет большой примеси щебня и расположения их на скальных платформах. Башни (за исключением предполагаемой на Алтен-Тау), башнеобразные выступы и укрепленные входы характерны исключительно для Зауралья.

О функции укрепленных поселений. Предуральские и гаманские представляли места основной жизнедеятельности населения. Гороховские и воробьевские, судя по примыкавшим к ним селищам, и, возможно, часть лесостепных приуральских, являлись еще и городищами-убежищами, а отдельные гляденовские — племенными культовыми центрами. Иткульские Г. В. Бельтиковой интерпретируются как поселения металлургов.

В заключение *о методике полевого исследования* городищ. Новый уровень изучения укрепленных поселений требует ее качественного обновления. Безусловным анахронизмом является исследование остатков фортификаций узкими поперечными траншеями, отвечающее только задачам рекогносцировки. Раскопки фортификаций должны проводиться широкими площадями и сопровождаться исследованиями планировки поселений, о которых сейчас для Урала имеются лишь нерегулярные и ограниченные сведения. Идеальный вариант — изучение укрепленных поселений полностью или достаточно полно с обязательным включением территорий фортификаций и культурной зоны вокруг городища.

¹ Основными опубликованными источниками послужили: Кузнецов С. К. Предварительные сообщения о результатах раскопок над Ройским городищем // ИОАИЭ. Казань, 1884. Т. 3; Спицын А. А. Зауральские древние городища // ЗРАО ОРСА. СПб., 1896. Т. 8. Вып. 1—2. С. 212—226; Толмачев В. Я. Древности Восточного Урала. Вып. 1 // ЗУОЛЕ. 1913. Т. 32. Вып. 1. С. 195—225; Он же. Древности Восточного Урала. Вып. 2 // ЗУОЛЕ. 1914. Т. 34. Вып. 8. С. 151—226; Збруева А. В. Свиногорское городище // МИА. 1940. № 1. С. 100—111; Она же. Городище Грохань // КСИИМК. 1947. Вып. 16; Она же. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30. С. 268; Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Унжи // МИА. 1951. № 22. С. 110—158; Талицкая И. А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы: По данным, собранным М. В. Талицким // МИА. 1952. № 27; Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестно-

стей. Свердловск, 1963. С. 69—84; *Сальников К. В.* Городище «Чудаки» Челябинской области по раскопкам 1937 г. // СА. 1947. № 9; *Он же.* Иткульская культура: К вопросу о «Зауральском ананьине» // Краеведческие записки Челябинского областного музея. Челябинск, 1962. Вып. 1. С. 21—46; *Тр. IV Урал. археол. совещ.* // Учен. зап. Перм. ун-та. 1967. № 148; *Генинг В. Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. Свердловск. 1970. Вып. 10; Археологическая карта Татарской АССР: Прикамье. М., 1981. С. 146; *Пшеничнюк А. Х.* Кара-абызская культура: Население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры // АЭБ. 1973. Т. 5. С. 162—243; *Он же.* Некоторые вопросы общественного развития племен кара-абызской культуры // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 91—100; *Агеев Б. Б.* Пьяноборский союз племен // Там же. С. 101—110; Археологическая карта Башкирии. М., 1976; *Поляков Ю. А.* Гляденовская культура в Среднем и Верхнем Прикамье (III в. до н. э.—середина VI в. н. э.): Дис. ... канд. ист. наук // Арх. ИА АН СССР. 1980; *Стоянов В. Е.* Классификация и периодизация западносибирских памятников раннего железного века // ПХКПАПЗС. Томск, 1970. С. 238—253; *Романова М. В., Сухина Л. В.* Городища № 5 и 7 раннего железного века на Андреевском озере // ИИС. 1974. Вып. 15. С. 44—46; *Бельтикова Г. В.* Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 126—132; *Бельтикова Г. В., Стоянов В. Е.* Городище Думной горы — место специализированного металлургического производства: Предварит. сообщ. // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. С. 130—144; *Борзунов В. А.* Гамаюнская культура: Основные характеристики // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск, 1982. С. 78—112; *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи железа: VIII—VI вв. до н. э. М., 1977; *Ашихмина Л. И.* Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977. С. 139; *Иванов В. А.* Оборонительные сооружения городищ эпохи раннего железа на северо-западе Башкирии // СА. 1978. № 1; *Он же.* Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М., 1984.

² См.: *Иванов В. А.* Вооружение и военное дело... С. 41—52. Табл. VI—VII.

³ См.: *Генинг В. Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. 1967. Вып. 7. С. 19—22. Табл. Г.

⁴ См.: *Стоянов В. Е.* Классификация и периодизация... С. 239; *Он же.* Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. 1969. № 119. С. 52—56.

⁵ См.: *Борзунов В. А., Стоянов В. Е.* Некоторые черты развития представлений о раннем железном веке Урала: К методике анализа памятников на примере гамаюнских городищ // ВАУ. 1981. С. 27—32.

⁶ Ср.: «Самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. «идеально» (Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 189).

⁷ Авторы выражают искреннюю признательность В. Е. Стоянову, Г. В. Бельтиковой, А. Д. Вечтомову, М. В. Елькиной, В. Н. Маркову, Ю. А. Полякову и Л. И. Ашихминой за возможность ознакомиться с еще не опубликованными материалами их раскопок. Их основные работы приведены в сн. 1, 4.

⁸ *Генинг В. Ф.* Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. КФ АН СССР. 1959. Вып. 2. С. 176.

⁹ *Збруева А. В.* Население берегов Камы в далеком прошлом // По следам древних культур: от Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 106.

¹⁰ См.: *Иванов В. А.* У подножия Рифейских гор. Уфа, 1982. С. 35—37; *Он же.* Вооружение и военное дело... С. 52.

¹¹ См.: *Черных Е. Н.* Городище Алтен-Тау // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. М., 1959. Вып. 1. С. 152—155.

¹² См.: *Иванов В. А.* Вооружение и военное дело... С. 78—79; *Он же.* У подножия Рифейских гор. С. 38.

¹³ История первобытного общества: Этап первобытной родовой общины. М., 1986. С. 405—406.

¹⁴ Раскопки Г. Б. Здановича, Т. М. Потемкиной, Н. Б. Виноградова, В. П. Викторова, В. А. Борзунова, В. В. Генинга 1969—1985 гг.

¹⁵ См.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 164.

¹⁶ См.: *Борзунов В. А., Липский В. И.* Туманские укрепленные поселения-жилища // *Древние поселения...* С. 90—105.

Г. В. БЕЛЬТИКОВА
Уральский университет

Памятник металлургии на острове Малый Вишневый

Настоящая работа продолжает серию публикаций памятников Иткульского металлургического очага (VII—III вв. до н. э.)¹. Описываемый памятник, как и Иткульское I городище, находится в его южной зоне.

Остров Малый Вишневый расположен в западной части Аргазинского водохранилища (рис. 1). До сооружения плотины был, очевидно, глубоко вдающимся в озеро мысом. На его оконечности возвышается холм с крутыми склонами, куполообразной вершиной, переходящей в небольшое плато (около 700 м²). Поверхность плато относительно ровная, с небольшим уклоном к береговой кромке; высота над равнинной частью острова 11—12 м, над урезом воды — до 15 м. Культурный слой отложился на верхнем плато и небольшой восточной террасе.

Исследована почти вся удобная для жизнедеятельности площадь плато (570 м²) и часть террасы (45 м²)². Следов фортификаций не обнаружено. Культурный слой — темно-серая супесь с линзами прокалов, обмазки, угля, золы — сверху задернован. Толщина его (0,5—0,8 м) максимума достигает у береговой кромки и особенно (1,2 м) на восточной окраине за счет оползания насыпи кургана. По ряду признаков установлено, что площадка осваивалась неоднократно, как минимум трижды. Типологически в коллекции керамики выделяется керамика эпохи бронзы — аятского типа (рис. 2-12—14), переходного — межевско-гафурийского облика (межевская орнаментальная традиция, гафурийская профилировка; рис. 2-1, 4, 6, 9—11, 15) и раннего железного века — гороховского (рис. 2-5, 7—8), иткульского (рис. 3). Доминирует иткульский, другие типы представлены единицами. Стратиграфически и планиграфически четко выделяется три культурно-хронологических горизонта. Ранний фиксируется на дне слоя относительно светлым тоном окраски супеси и скоплениями кремневого инвентаря. Керамики в скоплениях нет, что затрудняет культурно-хронологическое